

В.И. Коровин

«Парус»

Лирическому герою Лермонтова доступно неограниченное пространство, он пребывает везде — на небе и на земле — и одинаково не прикреплен ни к земле, ни к небу. Вздыхаясь ввысь, он тоскует о земной доле; находясь на земле, он устремляется к небесам. Его жилище — все бытие, мир природный и мир человеческий.

Его обиталище — везде и нигде. Неограниченность претензий вступает в противоречие с уготованной ему ограниченностью жизненного пространства, которое он обретает в данный момент. Герой часто угнетен тем, что принужден жить в замкнутом помещении — в келье, в комнате, в монастыре, в темнице, в крепости, в тюремной камере. Это приносит мотив увядания, смерти.

Точно так же герой пребывает и в прошлом, и в настоящем, и в будущем времени. Подлинное время для него — вечность и миг, мгновение, причем в мгновении угадывается вечность. Он мечтает о минувших героических временах, а жить принужден в нынешнее пошлое, мелкое время. Так или иначе, лирический герой неудовлетворен всем — и спокойствием, и волнением. Примером тому, как безграничны запросы романтического героя Лермонтова, может служить его раннее стихотворение «Парус» (1832). Оно дает ключ к пониманию всей поэзии Лермонтова.

Внешне стихотворение напоминает простую пейзажную зарисовку, весьма незамысловатую. Но на фоне природных образов и через них проступает философский смысл стихотворения. Сами по себе природные образы не интересуют Лермонтова: они предельно обобщены и даны в контрастном их проявлении. Поэт свободно сталкивает разные по времени состояния природы — бурю и покой. Морская стихия не может одновременно и в одном месте быть умиротворенной и бушующей, бурной. Следовательно, реальная картина исключена, и вместо нее перед читателем возникает воображаемый пейзаж. Он мыслится поэтом не как происходящее или произошедшее событие, а как объект анализа.

Первые строки «Паруса» вводят общий пейзаж:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..

Образ моря — пространственной безбрежности — контрастен одинокому парусу, затерянному в нем. Тревожные вопросы усиливают контраст:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Здесь внутренне контрастны обе части: «ищет он» противопоставит «кинул он», а «стране далекой» противопоставлен «край родной». На этом фоне отчетливо проступает одиночество паруса, который помещен между «страной далекой» и «краем родным», но не принадлежит ни тому, ни другому.

Строкам «Играют волны — ветер свищет, // И мачта гнется и скрипит...» соответствуют строки, в которых выражено иное и по времени, и по существу состояние стихии:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Парус помещен теперь между небом и морем, и этот контраст также проведен последовательно и закреплен в антитезах («Под ним» — «Над ним»). Столь же явно контрастируют седьмая и восьмая строки между собой:

Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Они непосредственно связывают второе четверостишие с первым:

Что ищет он в стране далекой?	Увы! он счастья не ищет,
Что кинул он в краю родном?..	И не от счастья бежит!

Менее очевидный контраст заключен внутри второго и третьего четверостиший. По лермонтовскому представлению, счастье достигается только в результате действия. Умиротворенное состояние природы побуждает парус «просить» бурю. И здесь проявляется внутренний конфликт между стихией и человеческим сознанием. Природа живет по собственным законам, которые противоречат личной воле человека. Противостояние моря и паруса символизирует противоречие между жизнью вообще и человеческой личностью, брошенной в ее океан. Фактически парус всецело зависит от игры морской стихии. Он подчиняется ее капризам: когда разыгрывается буря, «мачта гнется и скрыпит», а когда море спокойно, то и парус пребывает в состоянии покоя. Но каждый раз состояние стихии и желание паруса решительно не совпадают: он не находит удовлетворения в буре; когда «играют волны» и «ветер свищет», он ждет покоя; когда на море штиль, он «просит» бури. Так возникает характерное для романтизма противопоставление природных и предметных образов, символизирующих состояние человеческой души. Чувство романтика оказывается цельным в своей противоречивости, вечно раздвоенным, оно не существует вне этого раздвоения. Оно и не может быть иным, потому что романтик всегда разочарован в чем-то устоявшемся, будь то покой или буря. Романтика удовлетворило бы только состояние покоя-бури. Но так как на земле такого состояния нет, то романтик обречен на одиночество. Он брошен в море жизни. Его сознание обречено на вечное метание между покоем и бурей, на вечный мятеж то против одного, то против другого, и потому он не знает счастья. Коллизия внутри человека перебрасывается во внешний мир и развивается в двух планах. В этом смысле контраст составляют первые строки «Паруса» с его последними строками. Начав с внешней картины, Лермонтов заканчивает картиной внутренне неразрешимых противоречий («А он, мятежный, просит бури, // Как будто в бурях есть покой!»), где образы бури и покоя приобретают смысл символов, характеризующих внутренние переживания.

Неразрешенность конфликта между «парусом» и «морем» бросает свет на конфликт между человеком и бытием, а устойчивые состояния «покоя» и «бури» вместо подвижного «бури-покоя» осознаются печальной необходимостью, которую человек не волен изменить. Вечная неудовлетворенность препятствует счастью человека, и он, противопоставляя себя стихии, одновременно тоскует по внутренне непротиворечивым ее проявлениям (покой или буря) или по невозможной слитности противоречивых состояний, образующих воображаемое, утопическое единство (буря-покой). В дальнейшем именно такие простейшие естественные состояния и состояния подвижной противоречивости, соединенные с мотивом смерти, станут восприниматься как гармония, как счастье, как новая свобода, которую жаждет лирический герой («Выхожу один я на дорогу...»).

Стихотворение «Парус» по своей поэтике характерно для раннего Лермонтова и для лермонтовского романтизма. Во-первых, стихотворение аналитично. В нем прослеживается самоанализ, данный в символической картине. Во-вторых, Лермонтов мыслит поэтическими контрастами, антитезами. Главные из них — покой и деятельность, добро и зло, счастье и страдание, свобода и неволя, земное и небесное, «я» и окружающий внешний мир. В-третьих, поэт жаждет цельных и притом естественных чувств. Противоречие между чувствами естественными, природными и цивилизованными, просвещенными, испытавшими влияние общества или сложившимися под его воздействием, легло в основу конфликта многих произведений Лермонтова.